

Савельева Кристина Игоревна

аспирант кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета

**ОСОБЕННОСТИ
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ**

Аннотация:

В статье изучаются особенности развития института уголовного преследования в практике и науке российского уголовного процесса, проводится исторический анализ становления данного института. Исследуются исторические периоды, когда предпринимались первые попытки научного обоснования содержания дефиниции «уголовное преследование». Особое внимание уделено изучению мнений отечественных правоведов о проблеме осуществления уголовного преследования.

Ключевые слова:

уголовно-процессуальный кодекс, уголовное судопроизводство, уголовное преследование, виды уголовно-процессуального преследования, обвинение, частноисковой процесс.

Savelyeva Kristina Igorevna

PhD student, Criminal Process Department,
Kuban State University

**THE FEATURES OF
HISTORICAL DEVELOPMENT OF
THE CRIMINAL PERSECUTION
INSTITUTION IN RUSSIA**

Summary:

The article studies the development features of criminal prosecution institution in the practice and research of the Russian criminal trial. The author carries out a historical analysis of this institution development. The paper studies the historical periods when there were the first attempts of scientific substantiation of the content of "criminal prosecution" concept. Particular attention is paid to the opinions of Russian legal experts on the problem of criminal prosecution implementation.

Keywords:

Code of Criminal Procedure, criminal proceedings, criminal prosecution, types of criminal prosecution, accusation, private process.

Институт уголовного преследования берет свое начало в первом кодифицированном своде законов государства – Русской Правде, который предусматривал исключительно частноисковой характер уголовного процесса. Особенностью раннефеодального уголовного процесса была возможность возбуждения уголовного дела (инициации расследования) лишь по специальной челобитной потерпевшего либо его семьи. В данном случае сторонами процесса становились обвинитель (истец) и обвиняемый (ответчик), имевшие равные права. Устный и гласный характер судопроизводства обуславливал приоритет в доказывании «ордалии», присяги и жребия [1, с. 12].

С наступлением феодальной раздробленности частноисковой процесс постепенно заменяется разыскным, и уже в Соборном уложении 1649 г. процессуальное (судебное) право сформировано как комплекс норм, дифференцирующих уголовный процесс на «суд» и «розыск». Различие состояло в том, что по уголовным делам с усматриваемым государственным интересом применялась разыскная форма процесса. Поводом к возбуждению производства здесь оставалась жалоба потерпевшего, но производство «сыска» основывалось не только на ней. С этого момента каждый, кто выявлял (узнавал) факт преступления (совершения или подготовки), был вправе обратиться к судебным приставам. Инициировав процесс подачей жалобы, истец утрачивал активную позицию в процессе, где инициативу брали органы публичной власти, собирая доказательства и проводя следствие, которое, как правило, сводилось к допросу подозреваемого и свидетелей. Противоречия в показаниях устранялись пыткой.

В дальнейшем развитии русского права, особенно в период абсолютизма, разыскная форма уголовного процесса постепенно вытесняла частноисковую. В условиях регулярного государства в XVIII в. уголовное преследование осуществлялось полицией, губернскими и уездными начальниками и коронными чиновниками.

Реформирование системы полицейского расследования к середине XIX в. привело к учреждению института следователей Указом императора Александра II от 8 июня 1860 г. «Об отделении следственной части от полиции». Власть стремилась разделить следствие от охраны правопорядка, сохранив его за полицией с выделением функции расследования «маловажных» преступлений и дознания о правонарушениях, соотносившихся напрямую с «важными» преступлениями и проступками. В литературе реформирование органов уголовной юстиции 1860-х гг. расценивается как переход к большой реформе всего уголовного судопроизводства [2, с. 56]. Действительно, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. воспроизвел институт судебных следователей почти без изменений.

Параллельно с проведением реформы уголовного процесса предпринимались попытки ее доктринального обоснования. В 1841 г. Я.И. Баршев в монографии «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству» дал авторское определение понятия «уголовное преследование», обосновал его юридическую природу через определение целей уголовного судопроизводства. Автор полагал, что собственно судопроизводство состоит в том, чтобы, аккумулировав материалы, необходимые «для верного и справедливого приговора относительно вины или невиновности изобличаемого», оправдать его или «признать достойным известного наказания» [3, с. 82]. Так было заложено современное понимание уголовного преследования как стержня уголовного процесса, отражающего его цель.

В XVIII – первой половине XIX в. развитие отечественного уголовного процесса было обусловлено уголовной политикой Петра I, Екатерины II, в целом проводившейся в русле следования традиционной российской модели государственного управления правовым традициям европейского абсолютизма. В то же время к середине XIX в. в России проявился общий кризис юстиции, характеризовавшийся слабостью системного подхода к государственным преобразованиям, что имело следствием безответственность и социальную апатию, усугубляло взаимное недоверие монарха и народа. В это время, что свойственно для абсолютизма, базовым криминогенным фактором стала практика подчинения подданных не государственному закону, а «закону сильного», то есть тому, кто был ближе ко двору и облечен доверием монарха.

В исследуемый период институт уголовного преследования регламентировался Сводом законов Российской империи, который предусматривал поводы к началу следствия. Закон предписывал губернскому прокурору и стряпчим принимать и проверять доходившие до них сведения о совершенных и готовящихся уголовных преступлениях, особенно «безгласных», то есть там, где отсутствовал заявитель (истец). Частные лица могли объявлять об известных им преступлениях указанным должностным лицам [4, с. 12].

В пореформенный период функции уголовного преследования выполняли судебные следователи, институт которых был введен Высочайшим указом от 8 июня 1860 г. «Об отделении следственной части от полиции». В обязанности судебных следователей входило расследование по всем преступлениям и проступкам, «подлежащим ведению судебных мест». Указ предусматривал отделение следственной деятельности от полицейской (охраны общественного порядка). При этом за полицией сохранялось обязательство расследования «маловажных» преступлений и проступков.

Судебная реформа 1864 г., сформировав самостоятельный и независимый суд, также качественно изменила общие основы судостроительства и судопроизводства, где появились свободная оценка доказательств, самостоятельная и независимая судебная власть, были ограничены полномочия прокуратуры, а также введена независимая сторона защиты.

Таким образом, уставы 1864 г. заложили базу новой исторической модели российского уголовного процесса на принципах гласности, состязательности, равноправия сторон и презумпции невиновности. В то же время данная модель не могла не противоречить авторитарному типу абсолютистского политического режима, который, очевидно, не мог сосуществовать с созданной либеральной судебной системой. В результате контрреформ российский суд за два десятилетия по существу, хотя и не по форме, вернулся в свое прежнее состояние проводника и охранителя принципов самодержавия. В то же время будет объективным отметить, что контрреформы подвергались открытой и резкой критике прогрессивных юристов, прежде всего А.Ф. Кони, стремившихся сохранить дух и принципы судебных уставов.

В целом до 1917 г. в российском уголовном процессе сохранялось положение, при котором его движущей силой было обвинение, а судебное разбирательство оставалось состязательным, гласным и устным [5, с. 59]. Так, на закате имперского периода в духе умеренно либеральной трансформации права уголовное преследование отождествлялось с обвинением как процессуальной функцией, при том что у теоретиков и практиков были различные взгляды на его содержание.

Принципиально новый этап развития института уголовного преследования, а также формулировки понятия «уголовное преследование» связан со становлением и развитием советского уголовно-процессуального закона, а также развитием советской уголовно-процессуальной науки. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (далее – УПК РСФСР) 1923 г. анализируемое понятие было базовой законодательной категорией, которой придавалось предельно широкое смысловое содержание. Так, статья 9 УПК РСФСР определяла обязанность прокурора возбуждать уголовное преследование перед судами и органами следствия по любому совершившемуся преступлению. УПК РФ (ст. 4) предусматривал и случаи, когда уголовное преследование не могло быть возбуждено, а возбужденное подлежало прекращению. В данном случае советский законодатель не преодолел, а унаследовал противоречие своих предшественников, согласно которому уголовное преследование все же могло быть возбуждено при наличии исключаящих его факторов.

Анализ первого советского УПК позволяет сделать вывод о том, что понятие «уголовное преследование» понималось законодателем исключительно в значении «производство по уголовному делу». Такое понимание теоретически обосновывалось основоположником советского

уголовного процесса М.А. Чельцовым, который обращал внимание на то, что уголовное преследование реализуется с момента возбуждения уголовного дела, будь то в отношении как лица, так и определенного факта [6, с. 88].

Новый УПК РСФСР 1960 г. уже не содержал понятия «уголовное преследование», которое тем не менее встречается в некоторых поздних нормативных правовых актах, а также в судебной практике. Относительная редкость употребления данного понятия и непоследовательность его использования не давали оснований для усмотрения определенной позиции законодателя по сути категории «уголовное преследование», что в свою очередь породило многочисленные ее интерпретации в уголовно-процессуальной теории [7, с. 168].

Так, А.М. Ларин понимал под уголовным преследованием уголовно-процессуальную деятельность: формулировку и обоснование вывода о совершении конкретным лицом преступления [8, с. 25]. В деле реализации уголовного преследования и в формах обвинения и подозрения автор акцентировал внимание на том, что протокол задержания (постановление о применении меры пресечения) становился первым документом, формулировавшим и сообщавшим подозреваемому предположение о совершении данным лицом расследуемого преступления. Х.С. Таджиев не дифференцировал понятия «уголовное преследование» и «обвинение», отождествляя их [9, с. 27]. Н.А. Якубович исходил из того, что само понятие «обвинение» несколько уже понятия «уголовное преследование» [10, с. 25], в составе которого присутствуют структурные элементы, связанные с поисковой деятельностью следователя и применением мер процессуального принуждения. Аналогичную позицию занимал В.С. Зеленецкий, различая в структуре уголовного преследования частные функции:

- изобличения лица, совершившего преступление, – как деятельность следствия по раскрытию преступления и розыску преступника;
- обвинения – привлечения лица в качестве обвиняемого, сопряженного с доказыванием его виновности [11, с. 85].

Анализируя проблему реализации уголовного преследования на досудебных стадиях, А.Б. Соловьев указывает на нее как на деятельность прямо уполномоченных на то процессуальным законом должностных лиц в пределах их компетенции, направленную на реализацию принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление, реализуемую через расследование путем возбуждения уголовного дела в отношении подозреваемого лица с последующим его задержанием либо применением иных мер пресечения, последующего привлечения к уголовной ответственности, проведения следственных действий, составления обвинительного заключения с передачей дела в суд [12, с. 144].

Введение в действие в 1996 г. УПК РФ стало ключевым звеном эволюции законодательного понимания дефиниции «уголовное преследование» (выделенной в название гл. 3 УПК РФ) как базовой и универсальной категории, применяемой при изложении исходных положений уголовно-процессуального закона. В соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ, уголовное преследование определяется как процессуальная деятельность обвинения по изобличению подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления [13]. Здесь законодатель следует по пути расширительного толкования, уходя от крайних позиций в интерпретации анализируемого понятия. Данное понимание уголовного преследования отражает взгляды ряда современных авторов (А.М. Ларина, А.Б. Соловьева и А.Г. Халиулина), представляется вполне оправданным и логичным, так как дает возможность сохранить за анализируемым понятием самостоятельное смысловое значение, не тождественное имеющимся в арсенале уголовного процесса и юридической техники понятиям «производство по уголовному делу», «расследование» и «обвинение», что позволяет выделить еще не нашедшие категориального определения объективные закономерности уголовно-процессуальной деятельности.

Компаративный анализ действующего уголовно-процессуального законодательства стран СНГ выявил отсутствие дефиниции «уголовное преследование» в соответствующих кодексах Таджикистана, Узбекистана, Молдовы и Украины. Уголовный процесс прочих государств СНГ включает дефиницию «уголовное преследование», схожую с понятием, примененным в УПК РФ. В то же время УПК Азербайджанской Республики, определяя уголовное преследование как процессуальную деятельность по изобличению лица, совершившего преступление, включает в данное понятие также и установление события преступления, поддержание обвинения в суде, назначение наказания и обеспечение в случае надобности мер процессуального принуждения [14, с. 6].

Ретроспективный сравнительно-исторический анализ законодательного применения и доктринального понимания дефиниции «уголовное преследование» дал возможность выявить происхождение и обусловленность его современной легальной интерпретации, обратить внимание на определенную непоследовательность в ее воплощении. Общее семантическое значение анализируемого понятия в действующем УПК РФ позволяет отразить через него лишь часть процессуальной деятельности органов уголовного преследования, ту, которая непосредственно свя-

зана с изобличением подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу. Вторая ее неотъемлемая часть – адекватное реагирование на сообщение о преступлении, состоящее в установлении события преступления и лица, его совершившего, – пока остается вне рамок общего смыслового содержания дефиниции «уголовное преследование». Данную деятельность, принимая во внимание ее характер и направленность, целесообразно определить в уголовно-процессуальном законе как «принятие мер к обеспечению уголовного преследования».

Ссылки:

1. Дудоров Т.Д. Возникновение и развитие института уголовного преследования в российском законодательстве до реформы 1864 года // Юридическая наука. 2014. № 4.
2. Журавлёв М.П. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. 7-е изд. М., 2012.
3. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. Печ. по изд.: СПб., 1841. М., 2001.
4. Дудоров Т.Д. Указ. соч. С. 12.
5. Мазюк Р.В. Возникновение, становление и развитие понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. Иркутск, 2007.
6. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1951.
7. Кадников Н.Г. Уголовное право. Общая и Особенная части. М., 2013.
8. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986.
9. Таджиев Х.С. Прокурорский надзор и ведомственный контроль за расследованием преступлений. Ташкент, 1985.
10. Якубович Н.А. Процессуальные функции следователя // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. М., 1980.
11. Зеленецкий В.С. Обвинительная функция в деятельности следователя // Законность и нравственность правоприменительной деятельности следственных органов МВД СССР. Волгоград, 1984.
12. Соловьёв А.Б. Функция уголовного преследования в досудебных стадиях процесса // Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой реформы. М., 1997.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г.). Баку, 2007.

References:

1. Dudorov, TD 2014, 'The emergence and development of the institution of criminal prosecution under Russian law to the reform of 1864', *Jurisprudence*, no. 4.
2. Zhuravlev, MP 2012, *Criminal law of Russia. General and Special Part*, 7th ed., Moscow.
3. Barshev, YI 2001, *Grounds of criminal proceedings with the Russian criminal trial*, Moscow.
4. Dudorov, TD 2014, 'The emergence and development of the institution of criminal prosecution under Russian law to the reform of 1864', *Jurisprudence*, no. 4.
5. Mazyuk, RV 2007, *The emergence, formation and development of the concept of "criminal prosecution" in the Russian criminal trial*, Irkutsk.
6. Tcheltsov, MA 1951, *Soviet criminal trial*, Moscow.
7. Kadnikov, NG 2013, *Criminal law. Of the General and Special*, Moscow.
8. Larin, AM 1986, *The investigation of the criminal case: the procedural functions*, Moscow.
9. Tadzhiyev, HS 1985, *Public Prosecutions and departmental control over the investigation of crimes*, Tashkent.
10. Yakubovich, NA 1980, 'Procedural features investigator', *Problems of preliminary investigation in criminal proceedings*, Moscow.
11. Zelenetskiy, VS 1984, 'Indictment function in the activities of the investigator', *The legality and morality of law enforcement investigative agencies of the USSR Ministry of Internal Affairs*, Volgograd.
12. Solovyov, AB 1997, 'The function of criminal prosecution in pre-trial stages of the process', *The prosecutor's office and justice in terms of judicial reform*, Moscow.
13. 'The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 no. 174-FZ (as amended on 12.30.2015)' 2001, *Legislation of the Russian Federation*, no. 52 (part I), art. 4921.
14. *The Criminal Procedure Code of the Azerbaijan Republic (approved. Law of the Azerbaijan Republic on July 14, 2000)* 2007, Baku.